

А. В. ГОГОЛЕВСКИЙ

**ОПЫТ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ДЕКРЕТОВ
О ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ (1919 г.)**

Декрет Совета Народных Комиссаров о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР, принятый 26 декабря 1919 г., занял видное место среди законодательных актов начального этапа культурной революции в СССР. На его общественно-политическое значение неоднократно указывалось в научной, справочной и учебной литературе, хотя текст декрета и обстоятельства, предшествовавшие его составлению, не стали еще предметом специального источниковедческого исследования. Не привлекал внимания и декрет Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов от 24 сентября 1919 г. «О всеобщей обязательной грамотности в Петрограде». Сопоставление же и изучение текстов этих декретов указывают на их несомненную связь. Более того, источниковедческий анализ декрета Петроградского Совета позволяет заключить, что он в определенной степени явился источником для составителей последующего законодательного акта правительства РСФСР о ликвидации неграмотности.

В числе важнейших задач первого периода культурной революции в Советской стране была и необходимость повышения уровня грамотности населения. Решению этой важнейшей социальной и политической проблемы после победы социалистической революции неизбежно должны были предшествовать определенное время и необходимые организационные меры, связанные с формированием пролетарских органов управления народным образованием и культурой. Уже в 1918 г. Народный Комиссариат просвещения выступил с важной инициативой создания единой трудовой школы. Следующим шагом на пути формирования революционного сознания рабочих и крестьян явились поиски Наркомпросом возможностей преодоления массовой неграмотности взрослого населения Советской России. Первые практические действия в этом направлении были предприняты в Петрограде, и не только потому, что город славился своими революционными традициями, а петроградские рабочие являлись передовым отрядом промышленного пролетариата России. Весомым обстоятельством, сказавшимся на действиях Наркомпроса в деле ликвидации неграмотности, было его структурное объединение с Комиссариатом просвещения Северной области в 1918—1919 гг., при котором аппарат двух комиссариатов был единым и размещался в Петрограде.

Первые сведения о намерении Народного Комиссариата просвещения приступить к работе по ликвидации неграмотности взрослого населения Северной области относятся к июню 1919 г., когда в газете «Известия Петроградского Совета» об этом была

опубликована краткая хроникальная заметка без подписи.¹ Причем, судя по тексту газетного сообщения, предполагалось вначале обучить неграмотных в Петрограде, а затем уже в других губернских и уездных городах. Любопытно, что мерам по ликвидации неграмотности среди сельского населения должна была предшествовать организация изб-читален, создававшихся для ознакомления крестьян с постановлениями Советского правительства, для чтения газет и простейших хрестоматий. Таким образом, в Наркомпросе с самого начала рассматривали задачу ликвидации неграмотности не академично, а тесно связывали ее с необходимостью активного воздействия на политическое сознание рабочих и крестьян.

К сожалению, многие архивные документы петроградских учреждений за 1919 г. безвозвратно утрачены, поэтому не представляется возможным выяснить, на какой источник опиралась заметка, опубликованная в «Известиях Петроградского Совета», был ли это официальный документ Наркомпроса, и если да, то кто являлся его автором. Летом же 1919 г. в петроградских газетах публиковались материалы, в которых определенно говорилось о работе Наркомпроса над нормативным актом, относящимся к ликвидации неграмотности. Так, «Красная газета» сообщала о возможной регистрации неграмотных, которую предполагалось проводить как на специально созданных пунктах, так и в государственных учреждениях. В газете высказывалось и важное соображение о том, что обучение неграмотных в Петрограде будет проводиться вечерами, в свободное от работы время.² Газетные сообщения, видимо, лишь отчасти отражали направления разработки соответствующего нормативного документа в Наркомпросе, а затем — в отделе народного образования Петроградского Совета, формирование которого началось примерно летом 1919 г., после перевода Народного Комиссариата просвещения в Москву. Подготовленный проект был рассмотрен на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета 23 сентября 1919 г. После внесенных в ходе обсуждения проекта изменений он был одобрен пленумом Совета 24 сентября 1919 г. под названием декрета Петроградского Совета о всеобщей грамотности в Петрограде. Текст декрета дважды публиковался в городских газетах. 25 сентября 1919 г. он был напечатан в «Петроградской правде» под заглавием «Проект декрета о всеобщей грамотности», рядом с сообщением об утверждении проекта на заседании Петросовета 24 сентября 1919 г. Официально декрет распустили «Известия Петроградского Совета» 1 октября. Тексты газетных публикаций декрета идентичны. Они также совпадают и с машинописным его текстом, выявленным в материалах Исполкома Петроградского Совета, хранящихся в ЦГАОРЛ.³

¹ Известия Петроградского Совета, 1919, 23 июня.

² Красная газета, 1919, 17 августа.

³ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 3, д. 301, л. 79.

Декрет Петроградского Совета о всеобщей грамотности в Петрограде:

«Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов по докладу отдела народного образования постановляет:

1. Не более, чем в полугодичный срок, считая с 15 октября 1919 г., все жители Петрограда от 17 до 50 лет, не умеющие читать или писать, обязаны обучиться грамоте в государственных школах, как существующих, так специально для неграмотного населения учреждаемых по плану отдела внешкольного образования.

Примечание. Действие п. 1 распространяется на красноармейцев и на моряков, причем соответственная работа в воинских частях производится при ближайшем участии культурно-просветительного отдела военкома и политотдела флота.

2. Неграмотные привлекаются в школы в порядке определенной последовательности, начиная с более молодых возрастов и кончая старыми.

3. На срок обязательного обучения грамоте для лиц, не эксплуатирующих чужого труда и занятых в фабрично-заводских, ремесленных, торгово-промышленных предприятиях, государственных и советских учреждениях, равно как и находящихся в услужении у частных лиц, проводится льготное сокращение рабочего дня на два часа с сохранением заработной платы.

4. Часы обязательного обучения трудящихся являются рабочими часами, причем для рабочих и служащих, занятых в фабрично-заводских, ремесленных, торгово-промышленных предприятиях, государственных и советских учреждениях, а также находящихся в услужении у частных лиц, оплата проводится самими учреждениями и работодателями.

5. До открытия широкой сети школ грамоты обязательен предварительный учет всех неграмотных Петрограда. Учет производится не только в особых, временно устанавливаемых для этого пунктах, но и во всех советских учреждениях, совершающих акты гражданского состояния.

6. Взыскания с лиц, уклоняющихся от обучения, производятся в форме перевода тех из них, кто принадлежит к высшей продовольственной категории, в низшую, в форме исключения их из числа членов профессиональных союзов. Взыскания с учреждений и лиц, кои после установленного срока будут пользоваться трудом неграмотных, производится в форме высоких штрафов и наказаний по суду. Все уклоняющиеся от обучения и ненаучившиеся грамоте лишаются работы по истечении полугода.

7. Учащие для школ привлекаются за особое вознаграждение на началах трудовой повинности, причем в первую очередь привлекаются все занимающиеся в Петрограде и ближайших районах педагогическим трудом, обучающиеся в высших педагогических учебных заведениях, учащиеся в прочих высших учебных заведениях и иные категории грамотного населения по указанию местного внешкольного отдела.

8. Для размещения школ грамоты беспрепятственно используются все школьные здания, библиотеки, читальни, клубы, большие и населенные дома и все подходящие помещения на фабриках и заводах Петрограда.

9. Порядок производства учета неграмотных, привлечение к указанному учету советских учреждений и домкомбедов, комплектование школ грамоты, установление учебного плана со включением в него политической грамоты и определение продолжительности курса этих школ предусматриваются особой инструкцией внешкольного отдела, имеющей общеобязательное значение.

Настоящее постановление в течение двухнедельного срока подлежит оглашению на общих собраниях рабочих во всех фабрично-заводских предприятиях, на собраниях жильцов, созываемых домкомбедами, в театрах, кинематографах, клубах, перед началом зрелищ, представлений, лекций и т. п.

С момента опубликования сего работа по осуществлению всеобщей обязательной грамотности среди петроградского населения ведется под общим руководством Центрального Городского отдела по внешкольному образованию при помощи его районных подразделов».

Сопоставление текста приведенного выше декрета с его проектом, выявленным в ЦГАОРЛ, а также анализ обсуждения проекта на заседании Исполкома Петроградского Совета 23 сентября 1919 г. позволяют определить характер внесенных в текст декрета изменений и дополнений, а также установить автора проекта.

Стенографический отчет заседания Исполкома Петросовета 23 сентября 1919 г. сохранился в виде двух вариантов машинописного текста без подписи и рукописной правки.⁴ Причем один вариант более полон, он содержит сведения, отсутствующие в другом. Проект декрета о всеобщей грамотности в Петрограде в материалах о заседании Исполкома 23 сентября не значится. Но среди различных документов Исполкома, хранящихся в ЦГАОРЛ, есть машинописный текст, озаглавленный «Декрет о введении всеобщей обязательной грамотности в Петрограде».⁵ На первой его странице, справа вверху, карандашом проставлена дата — 20 IX 19. Сопоставление текста обнаруженного документа с текстом декрета Петроградского Совета о всеобщей грамотности, а также обращение к стенографическому отчету о заседании Исполкома 23 сентября 1919 г. позволяют заключить, что обнаруженный документ и является проектом декрета о всеобщей грамотности в Петрограде.

Обсуждение проекта на заседании Исполнительного комитета Петросовета проводилось отдельно по каждому из пунктов. Первые два не встретили возражений. Третий, в котором говорилось

⁴ Там же, д. 50, 51.

⁵ Там же, д. 301, л. 68.

о том, что для неграмотных в период обучения «проводится льготное сокращение рабочего дня на два часа», вызвал оживленную дискуссию. Заведующий отделом труда Петроградского Совета Н. И. Иванов предложил проводить обучение неграмотных после работы и не в счет рабочих часов; сокращение продолжительности рабочего дня, по его мнению, отразилось бы на ритмичности производства, могло вызвать нарушения дисциплины. «Некоторые будут уходить, — говорил Н. И. Иванов, — а учиться не будут, проверить же трудно».⁶ Эту точку зрения отчасти поддержал член Исполкома С. С. Зорин, утверждавший, что сокращать рабочее время нужно только семейным рабочим и служащим.⁷ Однако большинство присутствовавших на заседании Исполкома и принявших участие в прениях одобрили п. 3 проекта без изменений. Мнение большинства по рассматриваемому вопросу наиболее аргументированно выразила С. Н. Равич, отметившая, что если декрет содержит положение о наказании за уклонение от обучения, то в нем должна быть предусмотрена и возможность учиться без ущерба для трудящихся.⁸ Э. И. Лилина предложила также внести в п. 3 проекта поправку, устанавливающую начало обучения грамоте не после окончания рабочего дня, а до его начала — с 8 час. утра. Поправка эта, однако, не была принята, хотя Исполком и постановил учесть ее при составлении специальной инструкции о порядке обучения неграмотных.⁹

Изменения в проект декрета стали вноситься начиная с его четвертого пункта:

Проект:

«4. Часы обязательного обучения трудящихся являются рабочими часами, причем для рабочих и служащих, занятых в фабрично-заводских, торгово-промышленных предприятиях, государственных и советских учреждениях, а также находящихся в услужении у частных лиц, оплата проводится самими учреждениями и работодателями. Для всех остальных трудящихся возмещение идет за счет специального фонда отдела просвещения, в размере, установленном по согласованию с отделом труда».¹⁰

Декрет:

«4. Часы обязательного обучения трудящихся являются рабочими часами, причем для рабочих и служащих, занятых в фабрично-заводских, ремесленных, торгово-промышленных предприятиях, государственных и советских учреждениях, а также находящихся в услужении у частных лиц, оплата проводится самими учреждениями и работодателями».¹¹

Внесенная в п. 4 проекта поправка, выразившаяся в сокращении текста, имела весьма существенное значение. Упомянувшееся в проекте определение «остальные трудящиеся» могло от-

⁶ Там же, д. 51, л. 37.

⁷ Там же, д. 50, л. 45.

⁸ Там же, л. 41.

⁹ Там же, л. 43.

¹⁰ Там же, д. 301, л. 68.

¹¹ Там же, л. 79.

носиться прежде всего к тем домашним хозяйкам, которые, согласно Конституции РСФСР, выступали как субъекты права и приравнивались к лицам, занятым производительным трудом и могли избирать и быть избранными в Советы. Понятно поэтому стремление авторов проекта предусмотреть возможность оплаты времени, потраченного домохозяйками на учебу, не из семейного бюджета, а за счет государства. Мотивы, по которым эта часть проекта не попала в декрет, не вполне ясны, так как сведения об обсуждении п. 4 проекта в стенограмме заседания Исполкома отсутствуют. Можно только предположить, что поправка была внесена ввиду затруднительности полного и достоверного определения того, труд какой же категории домохозяйек следует считать общественно-полезным, так как Конституция РСФСР не содержала прямых указаний на сей счет. В ст. 65 (из которой, очевидно, и исходили авторы проекта) лишь говорилось о том, что активное и пассивное избирательное право распространяется на всех «добывающих средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также занятых в домашнем хозяйстве, обеспечивающих для первых возможность производительного труда».¹²

Наиболее значительные изменения в ходе обсуждения проекта были внесены в 6-й пункт, текст которого оказался переделанным как композиционно, так и по существу.

Проект:

«6. Уклонившиеся от учета и от обучения подлежат взысканию по всей строгости закона».¹³

Декрет:

«6. Взыскание с лиц, уклоняющихся от обучения, производится в форме перевода тех из них, кто принадлежит к высшей продовольственной категории, в низшую, в форме исключения их из числа членов профессиональных союзов. Взыскания с учреждений и лиц, кои после установленного срока будут пользоваться трудом неграмотных, производится в форме высоких штрафов и наказаний по суду. Все уклоняющиеся от обучения и ненаучившиеся грамоте лишаются работы по истечении полугода».¹⁴

Из обсуждения п. 6 проекта можно установить весьма важное обстоятельство: перед внесением на заседание Исполкома проект рассматривался Президиумом Петросовета, который предложил зафиксировать в декрете положение, согласно которому домовые комитеты бедноты не могли бы прописывать в Петрограде неграмотных¹⁵ (замечания Президиума относительно остальных пунктов проекта декрета не сохранились). Указанное пожелание Президиума по существу лишало неграмотных, оставшихся полноправными гражданами РСФСР, совершать акты

¹² Декреты Советской власти, т. 2. 17 марта—19 июля 1918 г. М., 1959, с. 561.

¹³ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 3, д. 301, л. 68.

¹⁴ Там же, л. 79.

¹⁵ Там же, д. 50, л. 45.

гражданского состояния, что вело к нарушению Конституции РСФСР. На это обстоятельство указали членам Исполкома С. Н. Равич и М. Каплун. Говорилось также, что, поскольку декрет о ликвидации неграмотности распространяется только на Петроград, реализация предложения Президиума не позволит пополнить в полной мере численность петроградских рабочих за счет приезжих из других областей, так как неграмотных из их числа нельзя будет прописать в Петрограде.¹⁶

Вместе с тем многие из выступивших на заседании Исполкома Петросовета 23 сентября 1919 г. предлагали ужесточить меры наказания по отношению к лицам, уклоняющимся от обучения грамоте. Так, С. С. Зорин поддержал мнение Президиума относительно того, что неграмотные должны увольняться с работы спустя год после опубликования декрета. Высказывалось также пожелание о привлечении лиц, нарушающих декрет о ликвидации неграмотности, к принудительным работам с понижением заработной платы и переводом в низшую продовольственную категорию.¹⁷ Совсем иной, упрощенный подход к проблеме контроля за соблюдением декрета о ликвидации неграмотности предложила З. И. Лилина: по ее мнению, достаточно было выдавать лицам, посещающим курсы обучения грамоте, дополнительный хлебный паек, и вопрос с уклонениями от обучения оказался бы решенным.¹⁸

Таким образом, при обсуждении п. 6 проекта декрета о всеобщей грамотности на Исполкоме Петроградского Совета высказывались различные, часто не совпадавшие мнения относительно привлечения к ответственности лиц, нарушающих декрет. Причем работники правоохранительных органов, если судить по тексту стенограммы заседания Исполкома, предлагали по существу сохранить редакцию и содержание п. 6 проекта без изменений, в том числе и без учета пожеланий Президиума Петроградского Совета. Очевидно, это было вызвано тем, что формулировка проекта позволяла, не связывая Совет конкретным решением, отыскать такие юридические нормы, которые бы согласовывались со сложившейся к тому времени практикой рассмотрения гражданских дел в соответствии с Конституцией РСФСР, при неукоснительном соблюдении конституционных прав трудящихся. Вненесенные же в проект поправки по 6-му пункту отчасти не соответствовали компетенции Петроградского Совета как местного органа государственной власти. Конечно, Совет, установивший в июле 1918 г. классовый паек, мог по своему усмотрению относить жителей Петрограда к той или иной продовольственной категории. Однако положения декрета об исключении уклоняющихся от обучения грамоте из числа членов профессиональных

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, д. 51, л. 42.

¹⁸ Там же.

союзов и увольнении их с работы безусловно превышали права Петроградского Совета, являлись определенным искажением общероссийского трудового законодательства и отчасти ущемляли правомочность трудящихся. Подобные меры могли вытекать только из общероссийского декрета, подписанного Советом Народных Комиссаров РСФСР и Всероссийским Советом профессиональных союзов.

Следует также учитывать, что определенное превышение компетенции Петросовета в редакции п. 6 проекта декрета о всеобщей грамотности в Петрограде имело и объективные причины, коренящиеся в несовершенстве общероссийских норм права, особенностях государственного строительства в годы гражданской войны, что являлось неизбежным следствием начального этапа становления Советского государства и права.

В результате обсуждения проекта о всеобщей грамотности на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета поправки как по существу, так и редакционного характера были внесены только в 4-й и 6-й пункты. Поправки эти в значительной степени повлияли на содержание декрета как правового документа.

Авторство проекта декрета о всеобщей грамотности в Петрограде может быть установлено только косвенным путем, так как выявленный машинописный текст проекта не подписан. Известно, что проект составлялся во внешкольном подотделе Отдела народного образования Петросовета. Вполне вероятно, что автором его была заведующая подотделом Л. Р. Менжинская. В пользу этого говорят следующие предположения. Именно Л. Р. Менжинская выступала с проектом декрета на заседании Петроградского Совета, причем из ее доклада следует, что проект готовился по инициативе и при прямом участии внешкольного подотдела. Далее, к проекту декрета о всеобщей грамотности, обсуждавшемуся на заседании Исполкома 23 сентября, был приложен проект резолюции Исполкома по итогам обсуждения проекта. Логично предположить, что проект декрета и текст резолюции принадлежат перу одного и того же автора. 4 октября 1919 г. Л. Р. Менжинская выступила с докладом о ликвидации неграмотности на собрании коммунистов 2-го городского района; она же предложила и резолюцию, которая была принята на собрании. Текст этой резолюции совпадает с текстом резолюции Исполкома Петросовета по итогам обсуждения проекта о ликвидации неграмотности.

Резолюция Исполкома:

«Проклятое наследие прошлого — темнота народных масс тяготееет над Петербургом и всей страной. Этим пользуются наши враги, на этом

Резолюция, принятая на собрании коммунистов 2-го городского района:

«Темнота народных масс тяготееет над Петроградом и страной. Этим пользуются наши враги. На этом играет контрреволюция. Этому дол-

играет контрреволюция. В этом наша слабость и этому должен быть положен конец. Петроград первым должен скорее выдернуть тяжелое наследие прошлого и рассеять тьму, застилающую сознание неграмотных граждан».¹⁹

жен быть положен конец. Петроград первым должен рассеять тьму, застилающую сознание неграмотных граждан. Всем вменяется партийная обязанность содействовать тому, чтобы к 1-му мая в Красном Петрограде не осталось ни одного неграмотного».²⁰

Очевидно, что автор резолюции, одобренной на собрании коммунистов 2-го городского района, был знаком с содержанием резолюции Исполкома Петроградского Совета. Однако резолюция Исполкома не только не публиковалась, но с нею не были ознакомлены и участники обсуждения проекта декрета на заседании Исполкома 23 сентября, на котором Л. Р. Менжинская не присутствовала. Следовательно, обе приведенные выше резолюции скорее всего составлялись одним автором — Л. Р. Менжинской. Таким образом, предположение о ее непосредственном участии в составлении текста проекта декрета о всеобщей грамотности в Петрограде можно считать обоснованным с большой долей вероятности.

Сообщения об обсуждении на заседании Исполкома Петросовета проекта о всеобщей грамотности были опубликованы на следующий день после заседания Исполкома 24 сентября; они, разумеется, не могли повлиять на утверждение проекта в Петроградском Совете, которое состоялось в тот же день. Но эти сообщения нуждаются в известном источниковедческом исследовании, так как не во всем соответствуют стенографической записи заседания Исполкома 23 сентября. Так, например, публикация в «Петроградской правде» озаглавлена как сообщение о совместном заседании Исполкома Петросовета и Петроградского комитета РКП(б), которое якобы состоялось 23 сентября и обсудило проект декрета о всеобщей грамотности. Между тем из стенограммы заседания Исполкома следует, что совместного заседания Исполкома и ПК 23 сентября не было. Следовательно, в сообщении «Петроградской правды» вкралась, видимо, ошибка, вызванная, возможно, тем, что на заседание Исполкома были приглашены представители ПК, к тому же многие члены Исполкома входили в состав городского партийного комитета большевиков. В «Петроградской правде» указывалось также, что, согласно проекту, рассмотренному на заседании Исполкома и ПК, предусматривался курс обучения грамоте, который должен был состоять из 54 час.: 32 часа на грамоту, 8 — на счет, 14 — на обучение политграмоте. Однако подобные положения не содержались в проекте декрета, о них лишь говорил во вступитель-

¹⁹ Там же, д. 301, л. 52.

²⁰ Красная газета, 1919, 5 октября.

ном слове перед обсуждением проекта З. Гринберг (см. стенограмму заседания Исполкома).²¹

Некоторые неточности содержались и в публикации о заседании Исполкома Петросвета 23 сентября, помещенной в «Красной газете». Так, в ней говорилось, что прозвучавшее на заседании предложение о выдаче дополнительного хлебного пайка лицам, посещающим школы грамоты, якобы передано на рассмотрение городского комиссариата продовольствия. Между тем, как это следует из стенограммы заседания Исполкома, никакого решения по существу подобного предложения, выдвинутого З. И. Лилиной, не принималось.²²

Таким образом, вероятно предположить, что источником газетных сообщений о заседании Исполкома Петроградского Совета 23 сентября не мог быть стенографический отчет о заседании, скорее всего они были составлены со слов или записей лиц, присутствовавших при обсуждении проекта декрета о всеобщей грамотности или принимавших в нем непосредственное участие.

Одна из трудноразрешимых проблем, возникающих при исследовании декрета о всеобщей грамотности, а также его проекта, состоит в определении источника этих документов. Беспорно, что авторы декрета исходили прежде всего из программных положений большевистской партии по вопросу о значении политического, революционного сознания трудящихся, высокий уровень которого был невозможен без повышения грамотности населения. Несомненно влияние на авторов декрета и многочисленных трудов В. И. Ленина периода 1918—1919 гг., нацеливавших рабочих на решение задач мирного социалистического строительства. Вместе с тем одной из особенностей истории создания декрета о всеобщей грамотности в Петрограде являлось его принятие Петроградским Советом без широкого предварительного обсуждения в печати, на собраниях рабочих и служащих. Выяснить поэтому первоначальные взгляды авторов декрета на проблему ликвидации неграмотности, проследить последующую эволюцию этих взглядов по существу не представляется возможным.

Наряду с подготовкой декрета о всеобщей грамотности распорядительные органы Петроградского Совета много сделали для немедленного проведения его в жизнь. Уже 26 сентября 1919 г. в «Красной газете» была опубликована статья А. Болотина с разъяснением п. 9 декрета в той его части, в которой шла речь об обязанности отдела народного образования установить программу обучения и определить порядок комплектования школ грамоты. В статье сообщалось, что неграмотных предполагается распределить по четырем возрастным группам: от 7 до 25 лет, от 26 до 35, от 36 до 45, свыше 45 лет. 1-я группа должна была

²¹ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 3, д. 50, л. 39.

²² Там же, д. 51, л. 42.

завершить обучение к 1 декабря 1919 г., 2-я — к февралю 1920 г., 3-я — к 15 марта 1920 г., 4-я — к 1 мая 1920 г.

Был определен и порядок регистрации преподавателей, которые, согласно декрету, подлежали привлечению в школы грамотности на началах трудовой повинности. В развитие п. 7 декрета внешкольный подотдел городского отдела народного образования установил, что регистрация распространялась на преподавателей единой трудовой школы, преподавателей родного языка и математики в школах 2-й ступени, студентов высших педагогических учебных заведений начиная со второго курса.²³

Работа по проведению в жизнь декрета о всеобщей грамотности была прервана наступлением белогвардейцев на Петроград и возобновилась только в декабре 1919 г. К этому времени изменились структура и руководство отдела народного образования. Контроль за исполнением декрета был возложен на комиссию по всеобщей грамотности при городском отделе народного образования. На основании пунктов 5 и 9 декрета комиссия в виде общенормативного акта издала постановление о проведении в Петрограде 26, 27 и 29 декабря переписи неграмотных. Во исполнение декрета были организованы (не ранее 29 декабря 1919 г.) краткосрочные курсы для подготовки преподавателей школ грамоты. Однако уже 30 декабря 1919 г. с опубликованием декрета Совета Народных Комиссаров о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР декрет Петроградского Совета от 24 сентября 1919 г. утратил юридическую силу.

Как уже отмечалось, источником для декрета СНК РСФСР в определенной степени послужил петроградский опыт работы по ликвидации неграмотности в сентябре—октябре 1919 г. Наблюдаются текстуальные, а также композиционные совпадения некоторых пунктов декретов СНК РСФСР и декрета Петроградского Совета.

Декрет СНК о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР (26 декабря 1919 г.):

«1) Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке по желанию. Обучение это ведется в государственных школах, как существующих, так и в учреждаемых для неграмотного населения по планам Народного Комиссариата просвещения.

Декрет Петроградского Совета о всеобщей грамотности в Петрограде (24 сентября 1919 г.):

«1. Не более чем в полугодичный срок, считая с 15 октября 1919 г., все жители Петрограда от 17 до 50 лет, не умеющие читать или писать, обязаны обучиться грамоте в государственных школах, как существующих, так и специально для неграмотного населения учреждаемых по плану местного отдела внешкольного образования.

²³ Известия Петроградского Совета, 1919, 6 октября.

Примечание. Действие этого пункта распространяется на красноармейцев, причем соответственная работа в военных частях производится при ближайшем участии политотделов Красной Армии и флота».²⁴

Примечание. Действие п. 1 распространяется на красноармейцев и моряков, причем соответственная работа в воинских частях производится при ближайшем участии культурно-просветительного отдела военкома и политотдела флота».²⁵

Как видим, при совпадении основного содержания п. 1 двух декретов по существу наблюдаются редакционные расхождения, вызванные различным характером указанных документов. Первое, главное отличие декрета СНК РСФСР от декрета Петроградского Совета, зафиксированное уже в п. 1 декрета СНК, состоит в том, что общероссийский акт предусматривал ликвидацию неграмотности не только среди взрослых, но и среди детей, а следовательно, был шире, глубже по своей социальной направленности.

При некоторых редакционных изменениях в декрете СНК далее были использованы следующие положения из декрета Петроградского Совета: о привлечении преподавателей школ грамоты на началах трудовой повинности, о сокращении обучающимся грамоте рабочего дня на два часа с сохранением заработной платы,²⁶ об ответственности перед законом лиц, нарушающих порядок, установленный декретом.

В то же время декрет СНК содержал и ряд положений, отсутствовавших в декрете Петроградского Совета: о привлечении к работе по ликвидации неграмотности общественных и политических организаций, о преимущественном праве на снабжение учреждений, созданных с целью ликвидации неграмотности.

Особо следует указать, что декрет СНК не устанавливал сроков его исполнения, предоставив решение этого вопроса губернским и городским Советам. Более обоснованно и юридически точно была решена в декрете СНК и проблема уголовной ответственности, возникавшая за нарушение положений, зафиксированных в декрете. В п. 8 говорилось: «Уклоняющиеся от установленных настоящим декретом повинностей и препятствующие неграмотным посещать школы привлекаются к уголовной ответственности».²⁷ Таким образом, в соответствии со сложившейся практикой и конституционными нормами привлечение к ответственности за нарушение декрета и определение меры наказания должны были составлять компетенцию правоохранительных органов.

²⁴ Декреты Советской власти, т. 7. 10 декабря 1919 г.—31 марта 1920 г. М., 1974, с. 50.

²⁵ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 3, д. 301, л. 79.

²⁶ Декрет СНК не предусматривал сокращения продолжительности рабочего дня для лиц, занятых на оборонных предприятиях.

²⁷ Декреты Советской власти, т. 7, с. 51.

Различия в содержании и композиции декретов Петроградского Совета и Совета Народных Комиссаров РСФСР были неизбежными, так как эти акты отличались объектом применения, широтой и глубиной поставленных в них проблем. Декрет СНК о ликвидации безграмотности в большей степени выступал как документ яркой политической направленности, текст его был лишен излишних технических подробностей. По существу декрет СНК провозглашал только общие положения политики рабоче-крестьянского государства в деле ликвидации неграмотности, разработка же практических мероприятий в этой области, если судить по тексту декрета, относилась к компетенции местных органов государственной власти и управления.

Декрет Петроградского Совета о всеобщей грамотности в Петрограде имел юридическую силу не многим более трех месяцев (сентябрь—декабрь 1919 г.), однако его историческое значение велико. Он стал первым в истории пролетарского государства актом, направленным на ликвидацию массовой неграмотности трудящихся двухмиллионного города. По характеру затронутых в декрете Петроградского Совета общеполитических проблем он в определенной степени выходит из пределов акта только местного значения. Декрет указал возможные направления решения такой важной социальной и политической задачи, как повышение уровня грамотности трудящихся после победы социалистической революции. Несомненно, что положения декрета Петроградского Совета, а также первые шаги в их практической реализации были учтены при составлении Декрета Совета Народных Комиссаров о ликвидации безграмотности, а также ряда последующих общенормативных актов начального периода культурной революции в СССР.